

УДК 811.161.1'371

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА И КОНТЕКСТ

(на материале произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой)

© 2009 Л.В. Коротенко

Белгородский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2009 года

Аннотация: В статье предпринята попытка провести исследование метафоры с точки зрения контекстно оформляющих её языковых единиц. Выявлено, что минимальный метафорический контекст-бинарма является структурой, не получивший широкого распространения в индивидуально-авторской метафоре этих авторов. В текстах произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой выявлены однофокусная развёрнутая метафора и многофокусная развёрнутая метафора, в структурном плане состоящая из центрального смыслового фокуса и развивающих его метафорических звеньев, представляющих собой дополнительные смысловые фокусы. Материалы статьи будут полезны в лингвистическом исследовании языка и стиля писателя, интересны всем, кто занимается вопросами изучения метафоры.

Ключевые слова: Исследование метафоры с точки зрения контекстно-оформляющих её языковых единиц, минимальный метафорический контекст-бинарма, характер семантических отношений между компонентами метафор, образно-смысловой фокус метафоры, однофокусная развёрнутая метафора, многофокусная развёрнутая метафора.

Abstract: In article is undertaken attempt to carry out research of a metaphor from the point of view of language units contextually making out it{her}. It is revealed, that the minimal metaphorical context-бинарма is the structure which has not received a wide circulation in an individually-author's metaphor of these authors. In texts of products of V. Tokarevoj, N. Gorlanovoj and L. Ulitskoj the monofocal developed {unwrapped} metaphor and the multifocal developed {unwrapped} metaphor, in the structural plan consisting of the central semantic focus and the metaphorical parts developing it{him} representing additional semantic focuses are revealed.

Key words: Research of a metaphor from the point of view of language units contextually making out her, the minimal metaphorical context-бинарма, character of semantic attitudes between components of metaphors, is figurative-semantic focus of a metaphor, the monofocal unwrapped metaphor, the multifocal unwrapped metaphor.

Мы переживаем время всеобщего интереса к метафоре. Сегодня метафора является предметом изучения философии, логики, психологии, психолингвистики, стилистики, литературоведения, семиотики. Однако метафора, прежде всего, языковое явление, поэтому изучению метафоры посвящены монографические работы и отдельные разделы в общих курсах лингвистики.

Многочисленные лингвистические исследования разрабатывают проблемы контекстуальной характеристики метафоры. «Семантика метафоры зависит от контекста и ситуации коммуникации: только в составе контекста метафора теряет неопределённость и поддается однозначной семантизации, контекст — это минимум текста, необходимый для понимания смысла метафоры, это ее минимально достаточное окружение» [8, 21]. Метафорический контекст как «указательный

© Коротенко Л.В., 2009

минимум» [9, 144], необходимый для реализации и восприятия метафоры, большинство лингвистов представляет как единство двух компонентов: «семантически реализуемое слово» и «указательный минимум» [1], «метафорическая группа» [5], «метафоризируемое» и «метафоризирующее» [2], метафора и «указательное слово» [7], «фокус» и «рамка» [3]. Синтагматическая характеристика метафорического контекста, исследование морфологической и синтаксической специфики его компонентов — необходимое условие для всестороннего анализа структурного и семантического своеобразия тропа.

Современные отечественные и зарубежные лингвисты проводят исследование метафорического контекста в рамках двух основных подходов к пониманию природы контекста: формально-синтаксической теории и стилистической теории контекста. Для адекватного определения метафорического контекста и критериев, положенных в основу классификации художественной, или индивидуально-авторской метафоры, на наш взгляд, необходим учёт семантического и формально-синтаксического подхода. И связано это, в первую очередь, с тем, что природа любого метафорического контекста — и синтагматическая (синтаксическая), и парадигматическая (семантическая) одновременно.

Задачами синтагматического анализа метафор в художественном тексте определяется комплексная по своей сути **методика исследования**, в основе которой находится приём контекстологического анализа в рамках описательного метода, для определения наиболее продуктивных типов контекстов метафор в художественных текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой.

В современной лингвистике существует достаточно работ, исследующих метафору с точки зрения контекстно-оформляющих её языковых единиц — словосочетаний, предложений, сложных синтаксических целых, текстов. При этом многие исследователи отмечают заложенное в метафоре потенциальное стремление к разворачиванию в метафорические поля, подчиняющие себе порождение дискурса, что позволяет выводить определение метафоры как «свёрнутого текста» и оперировать понятием «метафоры широкого контекста».

Целью данной статьи является анализ контекстуальной реализации метафорических значений в художественном дискурсе В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой в различных видах контекстов.

Минимальным классом метафорических сочетаний писательниц является контекст-бинарма — непредикативные словосочетания различного типа. По характеру семантических отношений между компонентами метафорических бинарм в текстах писательниц можно выделить два типа минимальных контекстов:

1. Конструкции, в которых назван и объект (метафоризируемый компонент) и субъект (метафоризирующий) уподобления. При этом описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом. В основе этих метафорических сочетаний, по определению Ю.И. Левина, лежат семантические процессы объединения значений компонентов в «нечто целое», при котором одно превалирует, но каждое семантическое значение «как бы просвечивает сквозь другое» [4, 291].

2. Конструкции, которые отражают приписывание свойств одного предмета другому вследствие метафорического осмысления предикативных отношений.

В текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой можно выделить метафорические сочетания, представляющие минимальные контексты-бинармы, в которых метафоризируемый компонент прямо сопоставляется с метафоризирующим, т. е. назван и описываемый объект и субъект уподобления: *огрызки любви* (В. Токарева, «Ни сыну, ни жене, ни брату»), *золотая осень волос* (Н. Горланова, *Пейзаж вокруг зоны*), *запал негодования* (Л. Улицкая, *Сквозная линия. Конец сюжета*). *Уважение — самый необходимый компонент для пирога любви* (В. Токарева, *Старая собака*); *Ширина плеч мужа зависит от настроения жены* (Н. Горланова, *Его горький крепкий мёд*); *Презренна верность: в ней дыхание долга, возможность привлекательных измен* (Л. Улицкая, *Медя и её дети*).

Протяжённость этого типа контекста-бинармы в текстах авторов может увеличиваться за счёт одновременного распространения метафоризируемого и метафоризирующего компонентов метафоры второстепенными членами предложения. Следует отметить, что миниконтекст-бинарма такого типа — структура, не получившая широкого распространения в индивидуально-авторской метафоре этих авторов. Осложненный тип бинармы как вариант метафорического контекста в их творчестве также не обладает высокой частотностью.

Второй тип миниконтекста-бинармы — конструкции, которые отражают приписывание свойств одного предмета другому, в произведениях В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой представлен более широко: *неорганизованные волосы* (В. Токарева, «Инструктор по плаванию»), *мирных медлительных хлопьев* (Л. Улицкая, *Медя и её дети*), *с бравым вопросом* (Н. Горланова, *Казачий суд*), *жизнь цинична* (В. Токарева, *Одна из многих*), *оборванные нити уже не срastутся* (Н. Горланова, *Тургенев — сын Ахматовой*), *пьянство освобождает...* (Л. Улицкая, *Женщины русских селений*). Семантические процессы, лежащие в основе этих метафор, представляют собой приписывание метафоризируемому компоненту бинармы смысловых единиц (сем), отражающих узואльно не закреплённую за ним способность к оп-

ределённым действиям, то есть не являющихся для него функциональными семами. Таким образом, эти минимальные контексты-бинармы возникают вследствие метафорического осмысления предикативных отношений между метафоризируемым и метафоризирующим компонентами. Метафорические сочетания, представляющие собой минимальные контексты-бинармы, в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой являются образно-смысловым фокусом метафоры.

Употребление бинарм, не получивших дальнейшего семантико-ассоциативного и логико-синтаксического продолжения, нельзя назвать частотным явлением в идиостиле писательниц. В большинстве случаев минимальная метафора образует образно-смысловой фокус. В нём аккумулируется основная семантика метафоры. Этот образно-смысловой фокус связан с лексическим окружением метафоры отношениями иррадиации метафорического смысла. В текстах писательниц минимальная метафора (бинарма) получает продолжение, выстраиваясь в логическую вертикальную структуру, тем самым, образуя развёрнутую метафору.

Однофокусная развёрнутая метафора в текстах авторов в структурно-компонентном отношении состоит из образно-смыслового фокуса (отправной метафоры), являющейся развиваемой частью, и развивающей части, представляющей собой эксплицированную предикацию признаков и свойств метафоризирующего компонента фокусной метафоры её метафоризируемой составляющей.

В большинстве однофокусных развёрнутых метафор в афоризмах писательниц образно-смысловой фокус составляют эксплицированные предикативные метафоры-бинармы: [*Роберт Викторович*] **плавился на огне молодого желания** (Л. Улицкая, Сонечка); *Гриша повернул к дому. “Я сам могу **наплодить много слов**”, — думал он, “А сына?”* (Н. Горланова, Гриша-Шиша); **Каждая судьба как юбилейный рубль: с одной стороны одно, с другой — другое** (В. Токарева, Звезда в тумане); ... анекдоты — величайшее достижение фольклора, дошедшего до атомарной структуры — ситуации. ... **Может быть, из атомов-анекдотов вырастут более крупные формы фольклора**, и он снова пойдёт ветвиться, скрещиваясь с бардизмом, который тоже является областью народного творчества (Н. Горланова, Старики).

Развивающая часть однофокусных развёрнутых метафор в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой продолжает экспрессивно-образный комплекс свойств и признаков предиката, она может находиться как в препозиции по отношению к развиваемой части: *И в кухню на **цыпочках** пробралась тихая уютная печаль* (В. Токарева, Стечение обстоятельств); *Подумала она о **развалившейся по всем швам жизни*** (Л. Улицкая, Сонечка); — *Лидия — это целая страна в древности, — начал было Яблонский,*

*но, поймав ее настороженный взгляд, **проглотил конец фразы** о том, что страна была маленькая и Лидия Олеговна тоже. Впрочем, даже не столь мала, сколь худа, но худа как-то пикантно, по-английски, и это не вызывало раздражений* (Н. Горланова, В музее), так и в постпозиции: *Можно иногда и посориться — **пошуметь ветками, сыпануть дождем**. А потом опять **выйдет солнце*** (В. Токарева, Паша и Павлуша); *Каждая **вещь упрямо сопротивлялась, не желая занимать отведенное ей место, все топорицилось лихими углами*** (Л. Улицкая, Сонечка); *Чувство **вины прошло по телу холодом и дрожью**: надо было пришить его все-таки* (Н. Горланова, Ничё-ничё).

Образно-смысловой фокус в этих метафорах получает развитие вследствие актуализации факультативных сем и коннотаций предиката: *Все сказали, что он похудел и загорел. Он не загорел, а потемнел, **подсушился на огне ненависти*** (В. Токарева, Паша и Павлуша); ... *Цикорий, напротив, идет в **подземное наступление**, и **корневища** его **душат** легкие весенние цветы* (Л. Улицкая, Медя и её дети); *А он ясно видел, как **паутина смерти прорастает** у матери внутри, но помочь ничем не мог, хотя хотел, о, как хотел-то!..* (Н. Горланова, Гриша-Шиша); *Когда **душа** одного человека — **экран вибрации** другого. Когда их души на одной **звуковой волне**. Это тоже очень редкое совпадение и совершенная случайность* (В. Токарева, Центр памяти).

В синтаксическом отношении однофокусные развёрнутые метафоры в идиолекте В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой могут реализовываться в контексте словосочетания: *Паша пошел мимо, но Павлушин **визг** его настигал, **винчивался в уши** и глубже, в мозги* (В. Токарева, Паша и Павлуша); *Все было унижительно убогим: **тощие стены, крохотная, узкая Соне в локтях кухня, недоношенная ванна*** (Л. Улицкая, Сонечка); *Похмелье Гриша не любил: как будто все **тело набекрень на костяк надето**...* (Н. Горланова, Гриша-Шиша); простого предложения: *Он имел внутри себя совершенно не начальническую, молодую, мятежную и даже слегка **хулиганскую начинку*** (В. Токарева, Почём килограмм славы); *Зима, **застывшая в темноте, выбралась из мертвой точки*** (Л. Улицкая, Сквозная линия. Конец сюжета); *Преподавательница **расцвела во время первой оттепели**...* (Н. Горланова, Как помирились Сергей Юрьевич и Ирина Анатольевна); *Беда **приходит** в дом с самым будничным **лицом*** (В. Токарева, Длинный день); *Солнце словно **раздробилось** — **блестит точками золота** в мокрой траве* (Н. Горланова, Старики). При этом смысловой фокус метафоры совпадает с грамматической основой, а развивающая часть выражается второстепенным членом, продолжающим ассоциативную линию, заданную отправной метафорой. В осложнённом предложении однофокусная метафора получает дополнительные предикативные признаки в случае, когда развивающая часть продолжена обособленным

членом предложения: *Жизнь вообще склонна вить кольца, поднимаясь по спирали* (В. Токарева, Паша и Павлуша); *Абзмязежная душа* Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, забюканная дымчатым роком греческих мифов, гипнотически-резкими звуками флейты средневековья, туманной ветреной тоской Ибсена, подробнейшей тяготинной Бальзака, астральной музыкой Данте, сиреническим пением острых голосов Рильке и Новалиса, обольщенная нравоучительным, направленным в сердце самого неба отчаяньем великих русских, — *бзмязежная душа* Сонечки *не узнавала* своей *великой минуты* (Л. Улицкая, Сонечка); — *А из ворот военной школы, — подхватили все, и песня, простая и мужественная, пошла гулять по душам поющих, отключая их от неприятных мыслей* (Н. Горланова, Гриша-Шиша).

В текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой однофокусная развёрнутая предикативная метафора выявляется в контексте сложного предложения: *Его мutilло от несправедливости, и казалось, что он может выплюнуть хотя бы немножко горечи* (В. Токарева, Паша и Павлуша); *Вспоминала также, как отозвалось ее тело на первое его случайное прикосновение еще тогда, в походе, когда прожгло ей руку и залихорадило* (Л. Улицкая, Медя и её дети); ... *зима уже стронулась и снежное великоление Петровского парка увяло и съезжилось* (Л. Улицкая, Сонечка); *У нее было такое ощущение, словно вокруг разлитое поле мирового добра, и они с мужем от него откусили кусочек... нет, не так — они словно влились в это сильное поле и сами стали сильнее... нет, сначала они откусили от него — поля добра — кусочек, а потом и влились...* (Н. Горланова, Как помирились Сергей Юрьевич и Ирина Анатольевна); *После тридцати болезнь как бы задумчиво выбирает, где в человеке поселиться: то голова болит, то желудок* (Н. Горланова, Его горький крепкий мёд). В этом случае одна из предикативных частей сложного предложения включает в себя развиваемую часть, а другая развивающую: *А дальше началось движение судьбы, которое плелось из мелочей и совпадений* (В. Токарева, Почём килограмм славы); *Бессонница, которая до той поры только точила свои коготки, в декабре одолела Машу* (Л. Улицкая, Медя и её дети).

Однофокусная развёрнутая метафора в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой может реализовываться и в контексте сверхфразового единства, состоящего из нескольких предикативных единиц, отражающих взаимосвязь и взаимодействие смыслов предложений: *Японка была испорчена цивилизацией. Глядела на меня своими дивными глазами и думала не о преклонении, а черт знает о чем. О мировой экономике* (В. Токарева, Японский зонтик); *Айрин же засмеялась, встряхнула своей медной проволокой. Казалось, волосы ее зазвенели* (Л. Улицкая, Сквозная линия. Диана); *Дети — это такая сеть, которую мы забрасываем в мир, в жизнь. И ловим все невзгоды и ра-*

дости. У кого один ребенок, у того не сеть, а удочка. На удочку много не поймает (Н. Горланова, Его горький крепкий мёд). Смысловой фокус метафоры при этом находится в первом предложении высказывания, а предикативные распространители, указывающие на следствия, детализирующие смысл отправной ассоциации, находятся в следующей за ним предикативной части или в другом предложении: *Мы глядели друг на друга одними и теми же глазами и чувствовали одно и то же. И были как дерево: бабушка — корни, папа — ствол, а я — ветки, которые тянутся к солнцу* (В. Токарева, Самый счастливый день); *Она опускала пальцы в землю, и все то злое электричество, которое вырабатывалось от сверхсильного терпения и напряжения, стекало в рыхлую бурно-песчаную грядку, утыканную стрелами лука и розеточной листвой редиса. Горькие овощи хорошо родились на ее грядках...* (Л. Улицкая, Медя и её дети); *Сперекошенной мордой бежит мимо колючей проволоки начальник караула. Вятские — ребята хваткие — семеро одного не боятся. Крепкая красная роза, которую не износишь и за сто лет* (Н. Горланова, Пейзаж вокруг зоны).

В этих же синтаксических типах контекстов в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой может реализовываться одновременно несколько однофокусных развёрнутых метафор: *заворожено смотрела в ту сторону, где сходились балка, горушка, завивалась какая-то длинная складка земли и там, в паху, стоял дом с черепичной крышей и звенел промытыми окнами* (Л. Улицкая, Медя и её дети); *А уже наступала брежневская зима с ее идеологическими морозами* (Н. Горланова, Любовь в резиновых перчатках); *Каждый человек есть плод воспитания, но главный воспитатель человека — он сам! А педагог открывает нужные клапаны личности, а ненужные — закрывает* (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик). В этом случае предикативная развёрнутая метафора, содержащаяся в тексте, актуализирует в сознании адресата высказывания множество ассоциаций, в том числе периферийных, не образуя при этом метафорических цепочек, развивающих образно-смысловой фокус: *Отец, потомок местечкового кузнеца из Белоруссии, самородный механик, не лишенный и практической сметки, свернул свою часовую мастерскую и, преодолевая врожденное отвращение к поточному изготовлению чего бы то ни было, поступил на часовой завод, отводя упрямую душу в вечерних починках уникальных механизмов, созданных мыслящими руками его разноплеменных предшественников* (Л. Улицкая, Сонечка); *Диктор бархатным голосом высыпал слова: ГЕРМАН. СХОДИТ. С УМА. Это была опера Великого Композитора* (Н. Горланова, В музее); *Чувство — это дым. Протянулось белым облачком и растаяло. А деньги — это реальность. Это свобода и независимость* (В. Токарева, Стрелец). Целостность метафоры в таких текстах обеспечивается за счёт парадигмати-

ческих отношений компонентов, составляющих единый образный комплекс: *Он уже нацелился на высокую науку, ходил в математический кружок при мехмате, и мозги его крутились с такими высокими оборотами, что руководитель кружка только кряхтел, предвидя, как трудно будет юному дарованию пробить процентную норму государственного университета* (Л. Улицкая, Медя и её дети).

Обобщив сказанное, можно сделать вывод о том, что в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой выявлены различные типы развёрнутых метафор, представляющих собой особое семантико-синтаксическое единство, состоящее из смыслового фокуса метафоры и развивающих её образно-ассоциативное направление лексических элементов. Однофокусные развёрнутые метафоры в текстах писательниц характеризуются эксплицированными образно-смысловыми фокусами. Как правило, развёрнутая метафора в текстах этих авторов реализуется в контексте словосочетания, одного или нескольких предложений и формирует локальный в логико-структурном плане текстовый отрезок.

Многофокусные развёрнутые метафоры в текстах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой в структурном плане состоят из центрального смыслового фокуса и развивающих его метафорических звеньев, представляющих собой дополнительные смысловые фокусы. Исследовательница структуры и семантики метафоры М.Л. Новикова отмечала закономерность причинно-следственных отношений при развёртывании метафорических рядов в многофокусной развёрнутой метафоре [6, 17]. Это утверждение относится к метафорам, в которых один из фокусов представлен имплицитно и восстанавливается при опоре на эксплицированный фокус.

В текстах В. Токаревой и Н. Горлановой. Л. Улицкой встречаются многофокусные развёрнутые метафоры, один из образно-смысловых фокусов которых представлен имплицитно: *У него юношеская язва желудка, и она диктует ему свой режим, а режим навязывает положительный образ жизни* (В. Токарева, Звезда в тумане); *Удивлялся неразборчивой памятью жены, сложившей на потаённое дно весь ворох чисел, часов, деталей* (Л. Улицкая, Сонечка....); *Я видела, как подтянули у неё глаза, определились морщинки, и в молодом её лице проглянули черты будущей старухи* (В. Токарева, Летящие качели); *Яблонский собрался объяснить ей особенности каменки и куда лучше плескать водой и был удивлен, что Лидия уже начала раздеваться. Еще больше удивили его бедра этой девушки, а может быть, женщины: они смахивали на формы его “гудебного сосуда”, гудка то бишь. Как ни странно, но смахивали. Больше он куда смотреть не осмелился, а уйти не решился и стоял, как болван. Впрочем, скорее, как типичный молодой человек с проклюнувшимся комплексом* (Н. Горланова, В музее) ...где

на земле тот холодильник, в котором вечно может сохраняться сырная голова нашей юности — в самом свежем виде: Нет такого холодильника (Н. Горланова, Его горький крепкий мёд). В этих метафорах прослеживается закономерность отнесённости метафоризируемых и метафоризирующих компонентов взаимодействующих метафорических звеньев к единым лексико-семантическим группам.

В большинстве же случаев многофокусные развёрнутые метафоры основаны на базе эксплицированных бинарных метафорических сочетаний, являющихся смысловыми фокусами в метафорических цепочках, развивающих образный смысл высказывания: *Павлуша дышал, как будто производил шепотом букву «и»*. Паша вдруг ощутил, как с каждым «и» его сердце обдаёт жаром. Это был не насос, механически и равнодушно перекачивающий кровь. Это была живая сумка, в которой копилась любовь. Копилась и грела (В. Токарева, Паша и Павлуша); ...увеливала от необходимости жить в патетических и крикливых тридцатых годах и пасла свою душу на просторах великой русской литературы, то опускаясь в тревожные бездны подозрительного Достоевского, то выныривая в тенистые аллеи Тургенева и провинциальные усадьбы, согреты беспринципной и щедрой любовью почему-то второсортного Лескова (Л. Улицкая, Сонечка); А Тамара уже уходит. Она медленно уходит, и за нею следом уходит вся уральская природа. Выстроились друг другу в затылок деревья, заложив руки за спины, и небо шло сбоку, цепко поглядывая голубиной, как усердный конвойный с грозным облаком наизготовку... (Н. Горланова, Пейзаж вокруг зоны); Каждый праздник — как бездонный колодец. Заглядываешь в него, и открывается глубина человеческой истории и глубина и давность отношений человека и Творца (Л. Улицкая, Даниэль Штайн. Переводчик). В текстах писательниц использована преимущественно прямая последовательность расположения развиваемого и развивающего фокусов многофокусных развёрнутых метафор, это позволяет автору точнее донести смысл высказывания, так как при прямом порядке следования метафорических фокусов установление единого ассоциативного ряда не вызывает затруднений у адресата текста.

В текстах В. Токаревой и Н. Горлановой. Л. Улицкой нами выявлены преимущественно двухфокусные развёрнутые метафоры, при этом семантическое значение этих развёрнутых метафор в афоризмах писательниц в ходе логического развёртывания метафорических рядов, содержащихся в высказывании, увеличивается многократно: *Огонь работает санитаром. А что работает санитаром души? Ненависть, представьте себе. Этим огнем можно выжечь все, что захлещает душу. Правда, если передозировать, то можно обуглиться самому, сжечь и саму душу* (В. Токарева, Паша и Павлуша); Был он женолюбом и потребите-

лем, многую пищу получал от этого неиссякающего источника, но бдительно оберегался от зависимости, боялся сам превратиться в пищу той женской стихии, которая столь парадоксально щедра к берущим от нее и истребительно-жестока к дающим (Л. Улицкая, Сонечка); Семь лет он мне говорил, что вредно, что разрушается семейная атмосфера, что интеллект у детей хромает, когда все только телевизор смотрят, готовое потребляют, а при чтении, мол, воображение развивается, — фантазия (Н. Горланова, Пик разводов); ... у человечества есть несколько жизненных матриц: неразделённая любовь. Разделённая любовь, треугольник. Эти три варианта накладываются на разных людей, и получается бурлящий суп из страстей человеческих (В. Токарева, Почём килограмм славы).

В синтаксическом отношении в текстах писательниц контекст многофокусных развёрнутых метафор отличается большей протяженностью в сравнении с контекстом, в котором реализует своё значение однофокусная развёрнутая метафора, и представляет собой сложное предложение и сверхфразовое единство.

В структуре сложного предложения главный и развивающий смысловой фокусы многофокусных развёрнутых метафор в текстах авторов расположены в разных предикативных частях: Она хорошела на глазах и из радиатора парового топления превращалась в музыкальный инструмент, растянутый аккордеон, из которого плескалась вечная музыка души (В. Токарева, Инфузория-туфелька); Обеими руками Ника гребла к себе удовольствия, большие и малые, а горькие ягодки и мелкие камешки легко сплевывала, не придавая им большого значения. Сплюнула, между прочим, и школьное обучение (Л. Улицкая, Медя и её дети); Когда собутыльники пьянели, Гриша становился лишь нормальным человеком. Но он не знал, где она — грань нормальности, пил еще и неизменно проскакивал ее, догонял товарищей, пьянел и засыпал (Н. Горланова, Гриша-Шиша); Все развалины биографий похожи друг на друга, руины — они и есть руины, но все-таки души-то до превращения в руины были уникальны и порой на бесформенных обломках психики можно наткнуться на тончайший таинственный орнамент (Н. Горланова, Тургенев — сын Ахматовой).

В некоторых случаях наблюдается расположение элементов одного из смысловых фокусов в разных предикативных частях: Я нахожусь на середине жизни, в самом трагическом возрасте, когда страсти еще не отшумели, но усталость уже грянула в сердце (В. Токарева, Японский зонтик); Он был человеком-легендой, но легенда эта благодаря внезапному и, как считали друзья, немотивированному возвращению на родину из Франции в начале тридцатых годов оказалась отрезанной от него и доживала свою устную жизнь в вымирающих галереях оккупированного Парижа вместе с его странными карти-

нами, пережившими хулу, забвение, а впоследствии воскрешение и посмертную славу (Л. Улицкая, Сонечка); Лидия, как всегда подробно одетая, танцевала с лауреатом-исполнителем и что-то говорила ему насчет радиоактивности и превышения нормы, ибо на родине Великого Композитора буквально буйствовала растительность всех видов — жирные листья, новые формы, невиданные размеры (Н. Горланова, В музее); Есть браки, скрепляющиеся в постели, есть — распускающиеся на кухне, под мелкую музыку столового ножа и венчика для взбивания белков, встречаются супруги-строители, ... иные держатся на вдохновенных скандалах (Л. Улицкая, Медя и её дети).

В контексте сверхфразового единства в текстах В. Токаревой и Н. Горлановой. Л. Улицкой структурные элементы метафорической цепочки находятся в отдельных предложениях: Павлуша решил для себя больше не жениться, потому что обнаружил некую закономерность: сначала все идет по возрастающей, как самолет, набирающий высоту. Дальше, набрав высоту, этот самолет любви какое-то время идет по прямой на автопилоте. Потом что-то портится, самолет начинает терять высоту, входит в штопор и — бах!!! Взрыв. Огонь. Обгорелые души (В. Токарева, Паша и Павлуша); ...он казался самому себе тающим в густой сладкой жидкости розовым леденцом, а вся кожа его стонала и плавилась от нежности и счастья, и всякое касание, скольжение проникало насквозь, в самую душу, и вся поверхность оказывалась как будто в самом нутре, в самой глубине. Он ощущал себя вывернутым наизнанку и понимал, что, ни заткнув она ему тонкими пальчиками уши, душа его непременно вылетела бы вон... (Л. Улицкая, Медя и её дети); Погода была самая воздушная. Солнце не спешило изображать закат. Лидия спускалась с холма. Она сходила с него быстро, но все-таки с достоинством, которое диктовала книга в откинутой руке. Яблонский подумал, что она похожа на хорошенькое чучело (Н. Горланова, В музее); Мужья делятся на две категории — никчемнушники и кошельки. Никчемнушники садятся на шею и едут. И ты везёшь за двоих. Это тяжело. А кошельки ведут себя как хотят, хамят и бросают в конце концов. Так что ещё не известно — что лучше: быть гружёным ослом или разрешать, чтобы по тебе ходили копытами, ломали позвоночник... (В. Токарева, Одна из многих). Первое предложение такого контекста в текстах писательниц, как правило, содержит главный смысловой фокус, отправную метафору, которой в последующих предложениях приписываются предикативные свойства, качества, характеристики. В результате этого в последнем предложении, содержащем развивающий образно-смысловой фокус, возникает окказиональная семантическая метафора, являющаяся следствием логико-синтаксических и семантических отношений между элементами многофокусной развёрнутой метафоры, реализующей своё значение в контексте сверхфразового единства.

Обобщив сказанное, можно сделать вывод о том, что в текстах В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой наиболее частотными являются различные типы развёрнутых метафор, представляющих собой особое семантико-синтаксическое единство, состоящее из смыслового фокуса метафоры и развивающих её образно-ассоциативное направление лексических элементов. В текстах этих авторов наиболее частотным является использование однофокусных развёрнутых метафор. Многофокусные, преимущественно двухфокусные, развёрнутые метафоры в качестве составного элемента высказывания выявляются в текстах В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой характеризуются эксплицированными образно-смысловыми фокусами. Как правило, развёрнутая метафора в текстах писательниц реализуется в контексте словосочетания, одного или нескольких предложений и формирует локальный в логико-структурном плане текстовый отрезок, в семантическом отношении являющийся доминантным при формировании смыслового ядра высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова; Ленинградский орден Ленина Государственный университет им. А.А. Жданова. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. — 208 с.
2. Базилая Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н.А. Базилая. — Тбилиси : ТбГУ, 1971. — 78 с.
3. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 160-163.
4. Левин Ю.И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация / Ю.И. Левин // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. Т. 4. Вып. 236. — Тарту, 1969. — С. 290-305.
5. Лясота Ю.Л. Понятие о контекстуальной (метафорической) группе / Ю.Л. Лясота // Уч. зап. Дальневосточного государственного университета. — Вып. 5. Сер. филол. — Владивосток, 1962. — С. 93-98.
6. Новикова М.Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста: автореф. дис... канд. филол. наук / М.Л. Новикова. — М., 1983. — 17 с.
7. Рыньков Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в.: (Послепушкинский период) / Л.Н. Рыньков. — Челябинск : Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1975. — 184 с.

Коротенко Л.В.
Белгородский государственный университет
Аспирант.
e-mail: Lada_korotenko@mail.ru

8. Туралина Н.А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре / Н.А. Туралина. — Белгород, 2001. — 125 с.

9. Шведова Н. Ю. О значениях единиц разных уровней языка / Н.Ю. Шведова // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1974. — С. 37-41.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горланова Н. Любовь в резиновых перчатках : Рассказы. Роман / Вступ. ст. М. Абашева. — СПб. : Лимбус Пресс, 1999. — 395 с.
2. Горланова Н. Тургенев — сын Ахматовой / Н. Горланова, В. Букур В // Октябрь. — 1998. — № 5.
3. Токарева В. С. Извинюсь. Не расстреляют : сборник / В. Токарева. — М. : Хранитель : АСТ, 2007. — 506 с.
4. Токарева В. С. Летающие качели : Повести, рассказы. — М. : Эксмо, 1996. — 485 с.
5. Токарева В. Мало ли что бывает... / В. Токарева. — М. : АСТ, 2005. — 328 с.
6. Токарева В. С. Маша и Феликс : Повести и рассказы / Предисл. В. Черниковой. — М. : АСТ, 1999. — 507 с.
7. Токарева В. С. Ничего особенного : Рассказы. Повести. — М. : Эксмо, 1997. — 389 с.
8. Токарева В. С. Розовые розы : рассказы, пьесы, киносценарии / В. Токарева. — М. : АСТ, 2002. — 380 с.
9. Токарева В. С. Мои враги / Виктория Токарева. — М. : АСТ, 2008. — 317 с.
10. Токарева В. С. Птица счастья / Виктория Токарева. — М. : АСТ : ЛЮКС, 2005. — 350 с.
11. Токарева В. Самый счастливый день / В. Токарева. — М. : Эксмо, 1998. — 367 с.
12. Улицкая Л. Е. Медя и ее дети : роман / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2007. — 253 с.
13. Улицкая Л. Е. Первые и последние : рассказы / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2005. — 317 с.
14. Улицкая Л. Е. Сквозная линия : повесть, рассказы / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2002. — 253 с.
15. Улицкая Л. Е. Сонечка : повести и рассказы / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2006. — 413 с.
16. Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2007. — 527 с.
17. Улицкая Л. Е. Люди нашего царя / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2006. — 367 с.
18. Улицкая Л.Е. Страшная дорожная история / Л. Улицкая. — М. : Эксмо, 2005. — 398 с.

Korotenko L.V.
Belgorod State University.
The post-graduate student.